

И ПОХОПДРИКЪ.

Въ Таунсонъ (въ Англии) и шеперь еще живеть одинъ Ипохондрикъ, кошорый содержится подь присмошромъ. То онъ воображаешъ себи кошкою и ходишь на чешверенькахъ; шо чайникомъ, одною рукой подражая ручкь, а другою носику. Наконецъ онъ увѣрился въ своей смерщи, и не шрогаель съ мѣша, ожидаель, пока принесуть гробъ. Жена его, встревоженная не на шупику, послала за Докшоромъ. Послѣднй обрашился къ по койнику съ обыкновеннымъ привѣшствіемъ, спросивъ его: каково онъ поживаешъ?

—«Каково я поживаю? возразилъ онъ низкимъ голосомъ; прекрасный вопросъ мершвому.»

—Мершвому?—что вы хошпие сказашъ? Сударь.

—«Да, въ прошедшую среду я умеръ; скоро принесуть гробъ и завшра меня похороняшь.»

Докшоръ, человекъ умный и разсудительный, пощупалъ у большаго пульсъ и покачавъ головою, сказалъ: «вы правду говорите; въ самомъ дѣлѣ вы умерли и умерли не шутя: кровь въ васъ оспановилась, скоро тѣло ваше начнешъ поршпиться, надобно пошоропиться вашими похоронами.»

Принесли гробъ, ошпорожно положили въ него покойника, и за симъ послѣдовалъ выность шѣла въ церковь. Докшоръ напередъ даль насшавленіе нѣкопорымъ изъ сосѣдей, какъ они должны поступашъ. Не успѣла процессія опойти на сшо шагровъ опъ дому, какъ кто-шо спросилъ, чьи эшо похороны? Почшеннаго нашего Инспектора Г-на Д... , былъ ошвѣшъ.

—Какъ! эшошъ сшарой плушъ умеръ? Туда ему и дорога; шакого бездѣльника еще не бывало.

Мнимый мершвецъ слыша, какъ шерзаютъ его памяшъ, приподнялся изъ гроба и съ грознымъ видомъ, сказалъ: «Злодѣй! Еслибъ только я былъ живъ, шо дорого заплашпиль бы шы за свои ругашельства; но какъ я умеръ, шо надобно шерпѣть.» Онъ опянь спокойно улеися въ гробъ. Но еще не прошли полдороги, какъ процессія опянь должна бы- за оспановишъся, пошлаи новые вопросы и

новья ру гашельства. Тупъ испощилось шерпѣнне мершвца; онъ выскочилъ изъ гроба и хошѣлъ бѣжашъ за поносителями; но все зришели захохошали надъ нимъ. Публичное посмѣланне возврашило ему разсудокъ; онъ спарался разсѣяшь свои бредни и успѣлъ въ шомъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д О Н Ъ.

(1829).

Блеща средь полей широкихъ;
 Вошь онъ льешся! . . . зравствуй, Донъ!
 Опъ сыновъ швоихъ далѣкихъ
 Я привѣзь шебъ поклопъ.
 Какъ прославленнаго брата
 Рѣки знають шихій Донъ;
 Опъ Аракса и Евфрата
 Я привѣзь шебъ поклопъ.
 Ошдохнувъ опъ злой погони,
 Чуя родину свою,
 Пьюпъ уже Донскіе кони
 Арпачайскую шпрую.
 Приготовъ же, Донъ завѣшпый,
 Для набзщиковъ лихихъ,
 Сокъ кипучій, искромешный
 Виноградниковъ швоихъ.

А. Пушкинъ.

Е N I G M E.

De la chair des mortels nos cinq bouches sont pleines,
 Et nous en jouissons en hiver à souhait;
 Si nous perdons un frère, alors chacun nous haît,
 Et nous jette dans un coin au rang des choses vaines,
 Sans cela nous faisons, par l'ordre des humains
 Presque tout ce qu'ils font avec leurs propres mains.

Въ No 81 и 82, помѣщенная шарада значить: *Соловей.*

ЕЩЕ МАЛЕНЬКОЕ ОПРАВДАНИЕ.

Въ 79 No *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду* сказано было, что Господинъ Бурнашевъ ошшибся, объявля въ *Miroir* о выходѣ 23 No *Гирланды*. Онъ просипъ Издашеля оныхъ Лип. Прибавленій объявить, что сія погрѣшность есть совершенно нѣумышленная: ибо онъ ошшибся лишь въ